

Классика
в школе и дома

Редьярд
Киплинг

Маугли

Москва

2018

УДК 821.111-053.2
ББК 84(4Вел)-44
К42

Сокращенный перевод с английского
Н. Дарузес

Оформление *О. Горбовской*

Киплинг, Редьярд.
К42 Маугли / Редьярд Киплинг ; [пер. с англ.
Н. Л. Дарузес]. — Москва : Издательство «Э»,
2018. — 224 с. : ил.

ISBN 978-5-699-84224-7 (Внеклассное чтение)

ISBN 978-5-699-84216-2 (Классика в школе)

Рассказы о Маугли из «Книги джунглей» Р. Киплинга
изучают на уроках литературы в начальной школе.

УДК 821.111-053.2
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-84224-7
ISBN 978-5-699-84216-2

© Дарузес Н., перевод на русский
язык. Наследники, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

БРАТЬЯ МАУГЛИ

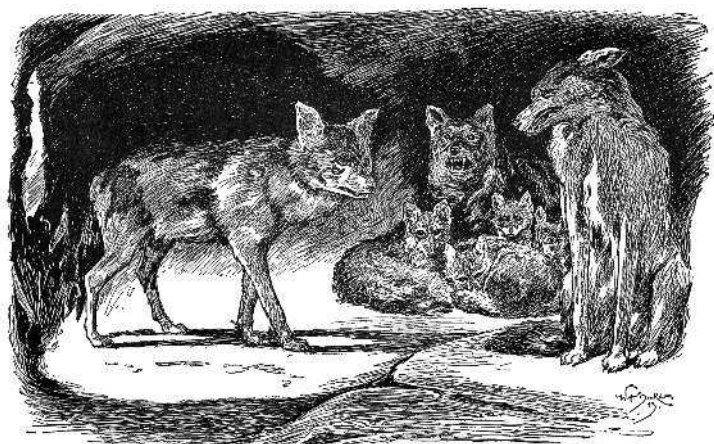
Было семь часов знойного вечера в Сионийских горах, когда Отец Волк проснулся после дневного отдыха, почесался, зевнул и расправил онемевшие лапы одну за другой, прогоняя сон. Мать Волчица дремала, положив свою крупную серую морду на четверых волчат, а те ворочались и повизгивали, и луна светила в устье пещеры, где жила вся семья.

— Уф! — сказал Отец Волк. — Пора опять на охоту.

Он уже собирался спуститься скачками с горы, как вдруг низенькая тень с косматым хвостом легла на порог и прохныкала:

— Желаю тебе удачи, о Глава Волков! Удачи и крепких белых зубов твоим благородным детям. Пусть они никогда не забывают, что на свете есть голодные!

Это был шакал, Лизоблюд Табаки, — а волки Индии презирают Табаки за то, что он рыщет повсюду, сеет раздоры, разносит сплетни и не брезгует тряпками и обрывками кожи, роясь в деревенских мусорных кучах. И все-таки они боятся Табаки, потому что он чаще других зверей в джунглях болеет бешенством и тогда мечется по лесу и

кусает всех, кто только попадетя ему навстречу. Даже тигр бежит и прячется, когда бесится маленький Табаки, ибо ничего хуже бешенства не может приключиться с диким зверем. У нас оно зовется водобоязнью, а звери называют его «дивани» — бешенство — и спасаются от него бегством.

— Что ж, войди и посмотри сам, — сухо сказал Отец Волк. — Только еды здесь нет.

— Для волка нет, — сказал Табаки, — но для такого ничтожества, как я, и голая кость — целый пир. Нам, шакалам, не к лицу привередничать.

Он прокрался в глубину пещеры, нашел оленью кость с остатками мяса и, очень довольный, уселся, с треском разгрызая эту кость.

— Благодарю за угощение, — сказал он, обливаясь. — Как красивы благородные дети! Какие у них большие глаза! А ведь они еще так малы! Правда, правда, мне бы следовало помнить, что царские дети с самых первых дней уже взрослые.

А ведь Табаки знал не хуже всякого другого, что нет ничего опаснее, как хвалить детей в глаза, и с удовольствием наблюдал, как смугились Мать и Отец Волки.

Табаки сидел молча, радуясь тому, что накликал на других беду, потом сказал злобно:

— Шер-Хан, Большой Тигр, переменял место охоты. Он будет весь этот месяц охотиться здесь, в горах. Так он сам сказал.

Шер-Хан был тигр, который жил в двадцати милях от пещеры, у реки Вайнганги.

— Не имеет права!.. — сердито начал Отец Волк. — По Закону Джунглей он не может менять место охоты, никого не предупредив. Он распугает всю дичь на десять миль кругом, а мне... мне теперь надо охотиться за двоих.

— Мать недаром прозвала его Лангри (Хромой), — спокойно сказала Мать Волчица. — Он с самого рождения хромает на одну ногу. Вот почему он охотится только за домашней скотиной. Жители селений по берегам Вайнганги злы на него, а теперь он явился сюда, и у нас начнется то же: люди будут рыскать за ним по лесу, поймать его не сумеют, а нам и нашим детям придется бежать куда глаза глядят, когда подожгут траву. Право, нам есть за что благодарить Шер-Хана!

— Не передать ли ему вашу благодарность? — спросил Табаки.

— Вон отсюда! — огрызнулся Отец Волк. — Вон! Ступай охотиться со своим господином! Довольно ты намутил сегодня.

— Я уйду, — спокойно ответил Табаки. — Вы и сами скоро услышите голос Шер-Хана внизу,

в зарослях. Напрасно я трудился, передавая вам эту новость.

Отец Волк насторожил уши: внизу в долине, сбегавшей к маленькой речке, послышался сухой, злобный, отрывистый, заунывный рев тигра, который ничего не поймал и нисколько не стыдился того, что всем джунглям это известно.

— Дурак! — сказал Отец Волк. — Начинать таким шумом ночную работу! Неужели он думает, что наши олени похожи на жирных буйволов с Вайнганги?

— Ш-ш! Он охотится нынче не за буйволом и не за оленем, — сказала Мать Волчица. — Он охотится за человеком.

Рев перешел в глухое ворчание, которое раздавалось как будто со всех сторон разом. Это был тот рев, который пугает лесорубов и цыган, ночующих под открытым небом, а иногда заставляет их бежать прямо в лапы тигра.

— За человеком! — сказал Отец Волк, оскалив белые зубы. — Разве мало жуков и лягушек в прудах, что ему понадобилось есть человечину, да еще на нашей земле?

Закон Джунглей, веления которого всегда на чем-нибудь основаны, позволяет зверям охотиться на человека только тогда, когда они учат своих детенышей убивать. Но и тогда зверю нельзя убивать человека в тех местах, где охотится его стая или племя. Вслед за убийством человека появляются рано или поздно белые люди на слонах, с ружьями и сотни смуглых людей с гонгами, ракетами и факелами. И тогда приходится худо всем жителям джунглей. А звери говорят, что человек — самое слабое и незащитное из всех живых

существ и трогать его недостойно охотника. Они говорят также — и это правда, — что людоеды со временем паршивеют и у них выпадают зубы.

Ворчание стало слышнее и закончилось громовым «А-а-а!» тигра, готового к прыжку.

Потом раздался вой, не похожий на тигриный, — вой Шер-Хана.

— Он промахнулся, — сказала Мать Волчица. — Почему?

Отец Волк отбежал на несколько шагов от пещеры и услышал раздраженное рычание Шер-Хана, ворочавшегося в кустах.

— Этот дурак обжег себе лапы. Хватило же ума прыгать в костер дровосека! — фыркнув, сказал Отец Волк. — И Табаки с ним.

— Кто-то взбирается на гору, — сказала Мать Волчица, шевельнув одним ухом. — Приготовься.

Кусты в чаще слегка зашуршали, и Отец Волк присел на задние лапы, готовясь к прыжку. И тут если бы вы наблюдали за ним, то увидели бы самое удивительное на свете — как волк остановился на середине прыжка. Он бросился вперед, еще не видя, на что бросается, а потом круто остановился. Вышло так, что он подпрыгнул кверху на четыре или пять футов и сел на том же месте, где оторвался от земли.

— Человек! — огрызнулся он. — Человечий детеныш! Смотри!

Прямо перед ним, держась за низко растущую ветку, стоял голенький смуглый ребенок, едва научившийся ходить, — мягкий, весь в ямочках, крохотный живой комочек. Такой крохотный ребенок еще ни разу не заглядывал в волчье логово

ночной порой. Он посмотрел в глаза Отцу Волку и засмеялся.

— Это и есть человеческий детеныш? — спросила Мать Волчица. — Я их никогда не видела. Принеси его сюда.

Волк, привыкший носить своих волчат, может, если нужно, взять в зубы яйцо, не раздавив его, и, хотя зубы Отца Волка стиснули спинку ребенка, на коже не осталось даже царапины, после того как он положил его между волчатами.

— Какой маленький! Совсем голый, а какой смелый! — ласково сказала Мать Волчица. (Ребенок проталкивался среди волчат поближе к теплему боку.) — Ой! Он сосет вместе с другими! Так вот он какой, человеческий детеныш! Ну когда же волчица могла похвастаться, что среди ее волчат есть человеческий детеныш!

— Я слышал, что это бывало и раньше, но только не в нашей Стае и не в мое время, — сказал Отец Волк. — Он совсем безволосый, и я мог бы убить его одним шлепком. Погляди, он смотрит и не боится.

Лунный свет померк в устье пещеры: большая квадратная голова и плечи Шер-Хана загородили вход. Табаки визжал позади него:

— Господин, господин, он вошел сюда!

— Шер-Хан делает нам большую честь, — сказал Отец Волк, но глаза его злобно сверкнули. — Что нужно Шер-Хану?

— Мою добычу! Человечий детеныш вошел сюда, — сказал Шер-Хан. — Его родители убежали. Отдайте его мне.

Шер-Хан прыгнул в костер дровосека, как и говорил Отец Волк, обжег себе лапы и теперь бе-

сился. Однако Отец Волк отлично знал, что вход в пещеру слишком узок для тигра. Даже там, где Шер-Хан стоял сейчас, он не мог пошевелинуть ни плечом, ни лапой. Ему было бы тесно, как человеку, который вздумал бы драться в бочке.

— Волки — свободный народ, — сказал Отец Волк. — Они слушаются только Вожака Стаи, а не всякого полосатого людоеда. Человечий детеныш наш. Захотим, так убьем его и сами.

— «Захотим, захотим»! Какое мне дело? Клянись буйволом, которого я убил, долго мне еще стоять, уткнувшись носом в ваше собачье логово, и ждать того, что мне полагается по праву? Это говорю я, Шер-Хан!

Рев тигра наполнил пещеру громовыми раскатами. Мать Волчица, стряхнув с себя волчат, прыгнула вперед, и ее глаза, похожие во мраке на две зеленые луны, встретились с горящими глазами Шер-Хана.

— А отвечаю я, Ракша (Демон): человеческий детеныш мой, Лангри, и останется у меня! Его ни-

кто не убьет. Он будет жить и охотиться вместе со Стаей и бегать вместе со Стаей! Берегись, охотник за голыми детенышами, рыбоед, убийца лягушек, — придет время, он поохотится за тобой! А теперь убирайся вон или, клянусь оленем, которого я убила (я не ем падали), ты отправишься на тот свет хромым на все четыре лапы, паленое чудище джунглей! Вон отсюда!

Отец Волк смотрел на нее в изумлении. Он успел забыть то время, когда отвоевывал Мать Волчицу в открытом бою с пятью волками, то время, когда она бегала вместе со Стаей и недаром носила прозвище Демон. Шер-Хан не побоялся бы Отца Волка, но с Матерью Волчицей он не решался схватиться: он знал, что перевес на ее стороне и что она будет драться не на жизнь, а на смерть. Ворча, он попятился назад и, почувствовав себя на свободе, заревел:

— На своем дворе всякая собака лает! Посмотрим, что скажет Стая насчет приемыша из людского племени! Детеныш мой, и рано или поздно я его съем, о вы, длиннохвостые воры!

Мать Волчица, тяжело дыша, бросилась на землю около своих волчат, и Отец Волк сказал ей сурово:

— На этот раз Шер-Хан говорит правду: детеныша надо показать Стае. Ты все-таки хочешь оставить его себе, Мать?

— Оставить себе? — тяжело вода боками, сказала Волчица. — Он пришел к нам совсем голый, ночью, один, и все же он не боялся! Смотри, он уже оттолкнул одного из моих волчат! Этот хромой мясник убил бы его и убежал на Вайнгангу, а люди в отместку разорили бы наше логово.

Оставить его? Да, я его оставлю. Лежи смиренно, лягушонок! О Маугли — ибо Лягушонком Маугли я назову тебя, — придет время, когда ты станешь охотиться за Шер-Ханом, как он охотился за тобой.

— Но что скажет наша Стая? — спросил Отец Волк.

Закон Джунглей говорит очень ясно, что каждый волк, обзаведясь семьей, может покинуть свою Стаю. Но как только его волчата подрастут и станут на ноги, он должен привести их на Совет Стаи, который собирается обычно раз в месяц, во время полнолуния, и показать всем другим волкам. После этого волчата могут бегать, где им вздумается, и, пока они не убили своего первого оленя, нет оправдания тому из взрослых волков, который убьет волчонка. Наказание за это — смерть, если только поймают убийцу. Подумай с минуту, и ты сам поймешь, что так и должно быть.

Отец Волк подождал, пока его волчата подросли и начали понемногу бегать, и в одну из тех ночей, когда собиралась Стая, повел всех волчат, Маугли и Мать Волчицу на Скалу Совета. Это была вершина холма, усеянная большими валунами, за которыми могла укрыться целая сотня волков. Акела, большой серый волк-одиночка, избранный вожаком всей Стаи за силу и ловкость, лежал на скале, растянувшись во весь рост. Под скалой сидело сорок с лишним волков всех возрастов и мастей — от седых, как барсуки, ветеранов, расправлявшихся в одиночку с буйволом, до молодых черных трехлеток, которые воображали, что им это тоже под силу. Волк-одиночка уже око-

ло года был их вожаком. В юности он два раза попадал в волчий капкан, однажды люди его избили и бросили, решив, что он издох, так что нравы и обычаи людей были ему знакомы. На Скале Совета почти никто не разговаривал. Волчата кувыркались посередине площадки, кругом сидели их отцы и матери. Время от времени один из взрослых волков поднимался неторопливо, подходил к какому-нибудь волчонку, пристально смотрел на него и возвращался на свое место, бесшумно ступая. Иногда мать выталкивала своего волчонка в полосу лунного света, боясь, что его не заметят. Акела взывал со своей скалы:

— Закон вам известен, Закон вам известен! Смотрите же, о волки!

И заботливые матери подхватывали:

— Смотрите же, смотрите хорошенько, о волки!

Наконец — и Мать Волчица вся оцетинилась, когда подошла их очередь, — Отец Волк вытолкнул на середину круга Лягушонка Маугли. Усевшись на землю, Маугли засмеялся и стал играть камешками, блестящими в лунном свете.

Акела ни разу не поднял головы, лежавшей на передних лапах, только время от времени все так же повторял:

— Смотрите, о волки!

Глухой рев донесся из-за скалы — голос Шер-Хана:

— Детеныш мой! Отдайте его мне! Зачем Свободному Народу человеческий детеныш?

Но Акела даже ухом не повел. Он сказал только:

— Смотрите, о волки! Зачем Свободному Народу слушать чужих? Смотрите хорошенько!

Волки глухо зарычали хором, и один из молодых четырехлеток в ответ Акеле повторил вопрос Шер-Хана:

— Зачем Свободному Народу человеческий детеныш?

А Закон Джунглей говорит, что, если поднимется спор о том, можно ли принять детеныша в Стаю, в его пользу должны высказаться по крайней мере два волка из Стаи, но не отец и не мать.

— Кто за этого детеныша? — спросил Акела. — Кто из Свободного Народа хочет говорить?

Ответа не было, и Мать Волчица приготовилась к бою, который, как она знала, будет для нее последним, если дело дойдет до драки.

Тут поднялся на задние лапы и заворчал единственный зверь другой породы, которого допускают на Совет Стаи, — Балу, ленивый бурый медведь, который обучает волчат Закону Джунглей, старик Балу, который может бродить, где ему